

Глава 22: Второе слияние

Паладин был в неподдельном восторге, когда держал в руке философский камень размером с оливку. Быстро убрав его в карман, Паладин достал из кармана поглотитель чернил и принялся стирать нарисованный на полу магический круг. Содержание, записанное в этом магическом круге, принадлежало только ему. Поэтому при успешной обработке философского камня он должен был быть уничтожен. Если кто-то другой увидит и скопирует его, то для паладина все будет кончено.

Не обращая внимания на четыре скелета, разбросанные по полу, Паладин поднялся по лестнице, надел перчатки и толкнул дверь.

"А, наконец-то ты здесь, Отец Паладин".

Как только деревянная дверь открылась, Паладин заметил, как Нортэм удивленно поднял руку. Казалось, он собирался постучать в дверь. Увидев это, Паладин злобно рассмеялся.

"Нортэм, ты выглядишь облегченным. Разве ты не слышал, как из подвала доносились громкие звуки борьбы?"

"Да, я слышал. Однако Отец Паладин приказал, что бы ни случилось, я не должен туда входить".

Паладин фыркнул на оправдания Нортэма. Он захлопнул за собой деревянную дверь, снял с пояса ключ и закрыл ею замок.

"Отец, что случилось с ними четыремя?" спросил Нортэм после долгого колебания.

"Что с ними случилось? Нортэм, это не тот вопрос, который ты должен задавать. Ты просто должен помнить, что именно я уничтожу Святой Престол".

Паладин обернулся, увидев, что Нортэм неохотно кивнул в ответ. Прежде чем подняться наверх, он продолжил: "Мне нужно уладить кое-какие личные дела. Если я не спущусь до рассвета, пожалуйста, сообщи тем, кто пришел помолиться, что священник болен".

"Конечно, Отец Паладин".

Звук закрывающейся двери подтвердил, что Паладин вошел в свою комнату. Нортэм окинул чердак сложным взглядом, а затем повернул голову и торжествующе посмотрел на вход в подвал. Он погрузился в свои мысли.

В своей комнате Паладин любовался видом ясного ночного неба за окном. Он тихо сидел на табурете, его рука играла с философским камнем. Не было произнесено ни одного слова. Словно в трансе, Паладин пришел в себя только после того, как утреннее солнце, пробившись сквозь окно, осветило его руку. Он молча поднял голову и посмотрел прямо на солнечный свет. Его несколько не волновала боль и дискомфорт, причиняемые глазам. Паладин поднялся на ноги с улыбкой на лице.

Взяв из стоящего рядом с кроватью ящика огромную лупу, Паладин поставил ее перед окном. Солнечный свет, падавший прямо на лупу, сгустился в очень плотный пучок света, который осветил стол. В нос Паладина сразу же ударил запах гари. Паладин слегка улыбнулся и сел за стол. Лупу было несложно достать, особенно в таких богатых городах, как Нурба. Ее всегда можно было найти в любой лавке, торгующей алхимией и магическими принадлежностями.

Обычные алхимики и алхимики Ассоциации Масонов придерживались принципиально противоположных взглядов. Алхимики, вступившие в Ассоциацию Масонов, твердо верили, что Энос, Бог Света, - не более чем фикция. Они также верили в невидимую силу, которая управляет миром и которая больше всех богов. Истина, фундаментальный закон и/или сущность Вселенной. Можно назвать это как угодно.

Для Святого Престола такая вера была просто пощечиной. В отличие от тех, кто вступал в Ассоциацию Масонов, обычные алхимики были талантами, от которых не отказывались никакие силы и страны. По сравнению с магами, которые управляли магическими элементами и, следовательно, обладали мощной силой, что делало их трудно контролируемыми, алхимики не обладали многими смертоносными способностями. Они лишь творили чары и/или создавали магические предметы и принадлежности. Тем не менее, они были чрезвычайно ценны. В результате, если вы не являетесь алхимиком из Ассоциации Масонов, вы можете найти достойную работу и жить без забот о еде и одежде.

Паладин снял перчатки и осмотрел вены на запястье, которые излучали слабый золотистый свет. Пером он начертил на запястье магические круги дезинтеграции и реинтеграции. Затем он положил сверху философский камень. Затем Паладин сделал глубокий вдох. Если присмотреться, то можно было заметить, что Паладин обильно потеет и постоянно сглатывает слюну. На самом деле это были признаки страха.

Это было естественно, ведь он уже испытывал острую боль, разрывающую его душу при слиянии со светлым элементом. Нормальные люди никогда бы не захотели повторить этот опыт. Ведь если бы человек не был достаточно силен, чтобы выдержать боль, он мог бы потерять сознание от такой сильной боли!

"Чего ты боишься?! За обретение силы приходится платить, и это достойный обмен! Какой смысл колебаться, если цена - только боль?" Паладин пытался убедить себя. Его голова была слегка опущена, бледные губы дрожали. Он продолжал готовить свой разум.

"Достичь жизни моей мечты, обрести власть над другими - все это зависит от тебя! Чего ты боишься?!" Как только он это произнес, глаза Паладина покраснели. Полный решимости, он вытянул руку. Сгустившийся луч света тут же сфокусировался на философском камне, и через мгновение магические круги, нарисованные на его руке, активировались. Философский камень размером с оливку засветился красным светом. Он расщепил солнечный свет, освещавший его, заставил его влиться в руку Паладина и вновь интегрировать ее!

"AAAAAAAAA!"

Глаза Паладина мгновенно расширились. Он наклонил голову и закричал в отчаянии. Боль была похожа на рой острых ножей, пронзающих каждую его пору. Это было похоже на то, как будто ты умер, воскрес и снова умер. Боль повторялась, не прекращаясь. Кровь постепенно начала вытекать из пор. Она стекала на пол, окрашивая пол под ним, пока не образовалась лужа крови. Все тело Паладина дрожало.

Паладин чувствовал, что больше не может этого выносить и вот-вот рухнет. Когда последние остатки рассудка были затоплены бесконечной болью, плотно закрытый рот Паладина внезапно сложился в кривую. Затем он начал безумно и нерационально смеяться.

"Хехе, хахаха! ХАХАХАХА! Очень хорошо, неплохо! Сила, я чувствую приток силы! Это именно то, чего я хочу! "

Когда Паладин смеялся, его глаза ярко светились золотым светом. Отражаясь на потолке, этот

якобы священный золотой свет выглядел мрачно и устрашающе. Когда энергия философского камня размером с оливку закончилась, Паладин резко вскочил и рукой опрокинул увеличительное стекло. Он упал без сознания на лужу крови и погрузился в глубокий сон.

Паладин неподвижно сидел на земле в пустом пространстве. На запястье Паладина лежала голова младенца. Рот его был приоткрыт, и он причитал.

"Покорми меня, покорми меня, покорми меня".

Паладин сидел, как марионетка, с пустой головой, просто не обращая внимания на посторонние предметы. Его глаза смотрели в пустое пространство перед собой, не фокусируясь. Однако по сравнению с тем, что было раньше, стали появляться некоторые изменения.

Сбитый с толку паладин заметил, что на земле в этом пустом пространстве появился странный и знакомый рисунок. Перевернутое дерево с отходящими от ствола ветвями. На ветвях были нарисованы десять кругов. Паладин заметил, что он находится в круге, расположенном ближе всего к листьям. На нем также был написан текст. Паладин читал его слово за словом, и его первоначально расфокусированный взгляд постепенно прояснялся. Наконец, он резко вскочил на ноги.

Чувствуя себя каким-то потерянным, он сказал: "Материя и Царство? Не тот ли это рисунок на каменной скрижали, который появился после изъятия свитка Рипли?! Нет, это сон! Сон, который я уже видел!"

Он резко проснулся и понял, что находится во сне. Паладин еще не успел прийти в себя, как услышал настойчивый детский голос: "Покорми меня, покорми меня, покорми меня!".

"Уф!" испугался Паладин. Взмахнув рукой, он столкнул на землю черного дитя. Он выглядел невредимым. Паладин снова лег на землю и крикнул черному младенцу, который придвинулся к нему поближе: "Не подходи, не подходи!"

Однако черный малыш проигнорировал просьбу Паладина. Он продолжал облизывать губы и кричать Паладину, чтобы тот его покормил. Паладин попытался бежать, но обнаружил, что не может покинуть круг, под ногами которого было написано "Материя и Царство". Невидимый барьер возникал прямо перед ним, как только он двигался. Он просто не мог уйти.

"Покорми меня, покорми меня!"

Черный младенец ухватился за бедро Паладина и по-детски странно пополз вверх, его рот все еще повторял скучные два слова. Паладин с ужасом смотрел на младенца и почему-то чувствовал ни с чем не сравнимую близость к нему. Он чувствовал себя как близкий человек. Наконец Паладин задал вопрос, который сдерживал в глубине души.

"Ты, кто ты, черт возьми, такой?"

Но кто бы мог подумать? Как только он задал этот вопрос, черный младенец, повторявший эти два слова снова и снова, резко остановился. Сначала он был ошеломлен. Как раз в тот момент, когда Паладин собирался задать вопрос, черный младенец оскалился в страшной и безумной улыбке.